поднята над сферой обычных бытовых отношений, сублимирована.

В комедии, действие которой развертывается в реально-бытовой сфере, саморазоблачение может произойти лишь случайно, невольно, по недоразумению или ошибке, оно приводит к комическим ситуациям, либо существенно нарушает правдоподобие характера (вспомним, как Ла Брюйер, также оперирующий типами и характерами, взятыми из этой реальной, бытовой сферы, устраняет все детали поведения, которые могли бы разоблачить его ханжу).

Сатирические персонажи комедий Мольера могут в конце (а порой с самого начала пьесы, например Жорж Данден) раскаиваться в совершенной единичной ошибке, но они никогда не отказываются от того, что составляет сущность их характера или мировоззрения: Гарпагон не признает пороком скупость, Тартюф — лицемерие, Арнольф (в «Школе жен») — семейный деспотизм и ретроградство (то же относится к соответствующим комическим персонажам «Мещанина во дворянстве», «Ученых женщин», «Мнимого больного»). Финальная неудача представляется им случайностью, несчастным стечением обстоятельств, они не видят того, что видит публика, автор, резонер, другие действующие лица. Сатирический тип остается верен себе до конца — в этом проявляется классический принцип правдоподобия, принцип цельного, последовательного характера, и в этом же противопоставлении обличаемого обличителям заключен публицистический пафос и назидательный смысл комедии.

Иначе обстоит дело с саморазоблачением Дон-Жуана: в откровенном монологе V акта, в котором звучит тема «Тартюфа» (лицемерие как модный порок), в новом аспекте выступает цинизм Дон-Жуана, ставшего из вольнодумца ханжой. Это не противоречит психологическому рисунку образа, а, напротив, обогащает его дополнительными чертами, усложняет его. Вместе с тем саморазоблачение вносит существенно новый оттенок в жанровую специфику пьесы, сближая ее с «серьезным» жанром трагедии.

Дон-Жуан — отнюдь не комический характер, хотя и выступает порою в комических ситуациях (сцена с двумя крестьянками, с кредитором, с отцом). Напротив, смешными выглядят его партнеры и антагонисты. Особенно заметно это в сценах со Сганарелем, несущих основную идейную нагрузку.

Здесь мы вновь наблюдаем частичное совмещение, слияние автора с казалось бы разоблачаемым героем. Когда Дон-Жуан опровергает комически-нелепые разглагольствования Сганареля относительно религии, мы слышим аргументацию самого Мольера — последователя философии Гассенди. Когда же безбожие Дон-Жуана проявляется не в рассуждениях, а в поступках, оно несет на себе явную печать поверхностного аристократического